

УДК 398.22
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44309

Т. М. Хаджиева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

РОЛЬ СКАЗИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ, БЫТОВАНИИ И СОХРАНЕНИИ НАРТИАДЫ

Аннотация. В нартоведении одной из важных и актуальных проблем, в силу его малоизученности, является исследование сказительской традиции Нартиады в сравнительном плане. Цель настоящей статьи – определение роли сказителя как создателя, носителя, хранителя и транслятора в обществе, в развитии и сохранении нартских песен и сказаний. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: воссоздать краткую историю института эпического сказительства у носителей Нартиады (адыгские *джегуако*, балкарские и карачаевские *жырчы/нартайчы*, осетинские *кадаггæнæг’и*, чечено-ингушские *илланчи*, абхазские сказители, дагестанские *ийырчы*, *ашуги*); рассмотреть особенности сказительского мастерства и личность сказителя – носителя нартского эпоса, его особый статус и влияние на духовную и культурную жизнь общества; выявить локальные, региональные и типологические универсалии в северо-кавказской сказительской традиции.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть эволюцию личности сказителя. Автор приходит к выводу о том, что сказители были хранителями традиционных основ сказительского искусства, духовной и культурной жизни общества, и в силу этого имели особый статус в среде своего народа. В результате исследования выявлено, что в национальных версиях Нартиады при общности имен основных героев, мотивов, сюжетов, есть и существенные различия в поэтике, исполнительской манере. Описаны исполнительские традиции, манера исполнения, роль живого общения народных певцов с аудиторией. В ходе историко-типологического сопоставления выявлены основные формы живого бытования нартских песен и сказаний в эпической традиции носителей Нартиады – устность и вариативность. При рассматривании функциональной роли сказителя четко выявляются соотношения живой традиции и роли в ней импровизации.

Ключевые слова: фольклор, эпос, Нартиада, нартские песни, сказания, сказитель, народный певец, институт эпического сказительства, традиция, репертуар.

Благодарности: Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ №18-012-00266 А.

Т. М. Khadzhieva

The role of narrators in the development, existence and preservation of Nartiade

Abstract. In Narts studies, one of the important and urgent problems, due to its insufficient study, is a comparative study of the narrative tradition of Nartiade. The purpose of this article is show their place and role of the narrator as creator, bearer, keeper and translator in society, in the development and preservation of Nart songs and legends. To achieve the goal, it is necessary to solve the following tasks: to recreate the short history of the institute of epic narration among the speakers of the Narts (Adyghe *dzheguaco*, Balkarian and Karachai *zhyrchi/nartaichi*, Ossetian *kadggænæg’i*, Chechen-Ingush *illanchi*, Abkhazian narrators, Dagestan *iyirchi*, *ashug*); to study the features of narration and the personality of the narrator among the bearers of the Nart epic, its special status and impact on the spiritual and cultural life of society; to identify local, regional and typological universals in the North Caucasian narrative tradition.

ХАДЖИЕВА Танзиля Мусаевна – к. филол. н., в. н. с. отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.

E-mail: tanzila_@mail.ru

KHADZHIEVA Tanzilja Musaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: tanzila_@mail.ru

This article is an attempt to consider the evolution of the personality of the narrator. The author came to the conclusion that narrators were the custodians of the traditional foundations of narration, the spiritual and cultural life of society, and therefore had a special status among their people. As a result of the study, it was revealed that in the national versions of Nartiade, given the common names of the main characters, motifs, plots, there are significant differences in poetics and performing manner. Performing traditions, manner of performance, the role of live communication of folk singers with the audience are described. In the course of historical-typological comparison, the main forms of the living existence of Nart songs and legends in the epic tradition of Nartiade narrators were revealed – orality and variability. When considering the functional role of the narrator, the correlations of the living tradition and the role of improvisation in it are clearly revealed.

Keywords: folklore, epic, Nartiade, Nart songs and tales, narrator, institute of epic narration, tradition, repertoire.

Acknowledgments: The work was performed as part of the RFBR research project No. 18-012-00266 A.

Введение

Героический нартский эпос относится к архаическому типу эпоса. После того, как немецкий востоковед Ю. Клапрот в 1809 г. опубликовал информацию о существовании нартского эпоса у кавказских горцев, Нartiада стала предметом изучения не только российских, но и зарубежных ученых. После же издания текстов нартских песен и сказаний немецким лингвистом и этнографом А. Дирром и французским ученым Ж. Дюмезилем, героический эпос кавказских народов «Нарты» был введен в мировой эпический контекст.

В разных версиях Нartiады много общего (название эпоса, имена некоторых нартских персонажей, мотивы и сюжеты), но вместе с тем каждая национальная версия самобытна и оригинальна. Так, в эпосе карачаевцев и балкарцев кавказские эпические традиции органично сочетаются с эпической традицией тюрко-монгольских народов. Например, у них, как и у многих тюркских народов, одна из самобытных особенностей эпической традиции – песенное бытование эпоса [1].

Существенный вклад в изучение Нartiады, и в частности северокавказского института народных певцов, внесли академик В. Ф. Миллер, профессор Л. Г. Лопатинский, композитор С. И. Танеев, этнографы Г. Ф. Чурсин, М. М. Ковалевский и др. Важные сведения о исполнителях нартских песен и сказаний приводятся и в работах осетинских, адыгских, балкарских просветителей: Ш. Ногмова, С.-А. Урусбиева, К. Хетагурова, С. Хан-Гирея, А.-Г. Кешева и др.

Значительная работа по изучению Нartiады велась в советское и постсоветское время. Опираясь на исследования советских/российских и зарубежных ученых: В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского, В. М. Гацака, З. С. Казагачевой, Д. А. Функа, А. Б. Лорда, К. Райхла и др., фольклористы А. И. Алиева, Т. А. Хамицаева, А. Х. Холаев, З. М. Налоев, К. Г. Цхурбаева, Р. А.-К. Ортабаева, А. М. Гутов, З. Д. Джапуа, И. В. Мамиева и др. опубликовали ряд работ по сказительскому искусству.

В дореволюционных публикациях одним из первых о балкарских певцах написал русский путешественник П. Остряков: «Со званием певца соединялась идея справедливости, и певцом мог быть только безукоризненно честный человек. Я имел возможность встретить такого певца. Старик со смуглым открытым лицом, одет весьма бедно; но нужно видеть, с каким почтением относятся к нему окружающие, чуть не боготворят его. Князя У- [рус]-Б- [ие]- вы доставили мне случай. Нужно было видеть их, образованных, объехавших чуть не всю Европу, с каким уважением и почтением относились они к старцу» [2, с. 701].

П. Остряков в вышеуказанной работе «помимо первого упоминания в кавказоведческой литературе о том, что у балкарцев нартский эпос бытует в песенном исполнении», дал и сведения о манере исполнения этих песен: «... старожилы помнят то время, когда никакой общественный и даже семейный праздник не обходился без певца. Под звуки дудки и зурны, а то и просто под мерные удары палочек, такой певец услаждал все общество любимыми былинами (нартскими песнями – Т. Х.), а иногда и прямо импровизировал новые песни» [2, с. 701, 702].

В 1885 г. композитор С. И. Танеев, во время своего путешествия по Кавказу, гостил у балкарского князя Измаила Урусбиева. В одном из своих писем он описал свою работу по фиксации фольклора народов Кавказа: «Владелец урусбиевского аула, человек во многих

отношениях замечательный, Исмаил Мирзакулович ... лицо, знающее весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую)... Я записал двадцать песен, продиктованных мне князем Урусбиевым. По словам горцев, он один из немногих знатоков старых кавказских песен, мало-помалу исчезающих из памяти народа... Мелодии этих песен князь играл на кобузе, подпевая при этом без слов, лишь второй, сопровождавший их голос» [3, с. 490].

После своего путешествия С. И. Танеев опубликовал статью «О музыке горских татар (балкарцев – Т. Х.)», которая стала первым историко-теоретическим исследованием музыкального фольклора не только балкарцев, но и других народов Северного Кавказа. В статье дано описание балкарских танцев и сопровождающей их музыки, национальных музыкальных инструментов: *сыбызгы* и *кьыл кобуз*. Композитор, со слов Урусбиева, впервые делит песни балкарцев на четыре группы и при этом нартские песни, «воспевающие подвиги старинных богатырей-нартвов», после архаических, религиозно-мифологических песен, относит ко второй группе. В работе большое значение имеет перечень имен нартских героев; указание на то, что у балкарцев имеются народные певцы «специально занимающиеся игрой на инструментах и пением»; даны нотные образцы трех карачаево-балкарских нартских песен (*нарт жырла*) [1, с. 611], записанные от И. Урусбиева.

Носители и хранители эпической традиции

Для изучения сказительской традиции самостоятельный интерес представляют сведения языковеда Н. М. Дрягина о характере исполнения нартских песен карачаево-балкарскими певцами: «Строго и свято соблюдается “размер подлинника”: старший из рассказывателей, молча, следит за отдельными выражениями, даже словами, которыми передают сказания его более младшие собратья» [4, с. 20].

Фольклорист, нартвед А. З. Холаев указывает, что у балкарцев «эпические тексты бывают прозаические, стихотворные и смешанные, где стихи чередуются с прозой... Пение эпических текстов сопровождает, как правило, игра на национальных музыкальных инструментах – *сыбызгы* (род флейты) и *кьыл кобуз* (род скрипки)» [5, с. 123-124]. А этномузыковед А. И. Рахаев в исследовании «О музыке нартского эпоса Балкарии и Карачая» дает обстоятельный анализ музыкальной стилистики карачаево-балкарских нартских песен [6, с. 605-614].

Адыгские фольклористы отмечают, что у них нартские сказания бытовали в певческой и прозаической формах. Нартские песни «пшинатли» исполнялись «с инструментальным сопровождением (на одном из инструментов вида “пшина” и трещетке – “пхачич”), иногда без него (а капелла) – запевакой и хором (ежу)» [7, с. 6].

Осетинский музыковед-фольклорист К. Г. Цхурбаева в статье «О напевах осетинских нартских сказаний» пишет, что «народ издавна выработал терминологию, строго разграничивающую нартские сказания (кадет) от песни (зарег)... Понятие “кадет” включает в себя и манеру исполнения – соло певца с инструментальным сопровождением. Рассказчика сказаний, как бы ни был он искусен, никто не назовет “кадетгенег”, если он не поет их и не сопровождает своё пение игрой на музыкальном инструменте. Имеется, стало быть, два типа исполнителей сказаний: рассказчик и певец-сказитель» [8, с. 122-123].

В абхазской версии нартского эпоса «манера исполнения обусловлена формой различных сказаний. Прозаический текст (наиболее распространенная форма бытования абхазского нартского эпоса) излагает один сказитель. Текст целиком стихотворный поется одним или группой сказителей, либо исполняется на национальных музыкальных инструментах апхярце, авимаа, или ахымаа (арфы) или же на ачарпыне (свирель). Весьма редко встречаются сказания смешанной стихотворно-прозаической формы» [9, с. 297].

Балкарский собиратель и издатель нартских текстов, князь Сафар-Али Урусбиев в 1881 г. в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» опубликовал в переводе на русский язык нартские сказания своего народа. В нартведении принято считать, что Предисловие, предпосланное к этим сказаниям «Несколько слов от составителя и переводчика», и комментарии к ним положили начало научному изучению эпоса балкарцев и карачаевцев. С.-А. Урусбиев в начале своего Предисловия, перечислив имена карачаево-балкарских нартских героев, говорит, что «каждому из этих нартвов посвящена особая песня;

мотивы песен довольно однообразны... Они... пелись знаменитыми в свое время... бродячими певцами-поэтами, называвшимися гегуако (жырчы – Т. Х.)¹» [1, с. 602].

Урусбиев сообщает и то, что, когда умирал человек, уважаемый в народе за мудрость или храбрость, люди, собравшись у его могилы, просили, приглашенных туда певцов, сложить о нем песню «на память потомству».

Далее И. Урусбиев указывает, что народные певцы «сопровождали воинов в походы и воспевали подвиги их на поле брани, в своих песнях являясь раздатчиками награды доблестным героям и карателями трусов» [1, с. 602-603].

Осетинский литературный критик, литературовед и фольклорист И. М. Мамиева в обстоятельной статье «Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика» пишет, что возникновение дружинного культа на Северном Кавказе, вероятно, повлекло появление осетинских, кабардинских, карачаево-балкарских рапсодов-исполнителей «хвалебных песен» о героях-нартах. В. М. Жирмунский, говоря о традиции выпевать перед сражением героические поэмы, высказывал мнение, что «целью было не только поднять боевой дух воинов и подвигнуть их на ратные свершения: действия дружинного песнопевца все еще носили характер магического заклинания» [10, с. 403].

Далее И. М. Мамиева сообщает и то, что «в кавказской традиции, как и в практике многих других народов, сказители очень часто выступали (и) в роли судей (осет. *таэрхоны лагэ*) – посредников при решении вопросов наследства, примирении кровников и пр.» [11, с. 135-136]. То, что в Балкарии уважаемые в народе сказители входили в Тёре (до революции высший выборный судебно-законодательный орган в Балкарии – Т. Х.), пишет и известный фольклорист Х. Х. Малкондуев [12].

С.-А. Урусбиев в своем Предисловии говорит и о том, что народные певцы «имели громадное значение» среди своих соплеменников и приносили обществу большую пользу. «...Заходила ли речь о знатном князе или о нищем бедняке, гегуако с суровым беспристрастием высказывал правду. Доказательством того, какой любовью и уважением пользовались гегуако у народа, служит уже то, что родители, даже из знатных князей, замечая в своих детях особенные духовные способности, отправляли их на воспитание к гегуако, у которых молодые люди проводили по несколько лет» [1, с. 603].

Подобную традицию охарактеризовали В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, исследовавшие особенности поэтических школ узбекских сказителей. Они подчеркивают, что «традиция устного исполнения эпоса... поддерживалась из поколения в поколение существованием регулярного обучения сказительству, своего рода певчих школ. Все известные нам бахши вышли из школы какого-нибудь учителя (устоз)... Если молодой человек подавал надежды, певец – учитель брал его к себе в дом на воспитание... Обучение продолжалось в течение двух-трех лет и было бесплатное; Учитель кормил и одевал своих учеников, которые со своей стороны помогали ему по хозяйству» [13, с. 35-36].

Относительно сказительской традиции народов Якутии В. В. Илларионов пишет: «Фольклорные материалы, собранные и изданные фольклористами и этнографами по выявлению сказительской деятельности эпических певцов, обучение и становление будущих сказителей подтверждают важность наличия особой эпической среды в этнической культуре народов Якутии». Далее он, ссылаясь на исследования фольклористов Г. У. Эргиса, И. В. Пухова, В. В. Илларионова по якутскому фольклору, А. Н. Мыреевой, Г. И. Варламовой – по эвенкийскому, Ж. К. Лебедевой – по эвенскому, П. Е. Ефремова – по долганскому, подчеркивает, что «эпическая среда всегда является благодатной почвой для сохранения эпического наследия, обучения сказителей эпосотворчеству» [14, р. 5].

¹ С.-А. Урусбиев в этой публикации, назвав исполнителей нартских песен «гегуако», имел в виду не только кабардинских, как считают некоторые исследователи, но и балкарских певцов. А называет он их кабардинским *гегуако*, а не карачаево-балкарским *жырчы* (*нартайчы*) потому, что до его публикации в кавказоведческой литературе русский читатель, на которого была рассчитана его работа, исполнителей народных песен знал как *гегуако*. Это подтверждается и последующими публикациями. Так, у С. И. Танеева читаем: «У горских татар (у балкарцев. — Т. Х.) есть люди, специально занимающиеся игрой на инструментах и пением и живущие своим искусством. Они называются “гегуако”» [3, с. 95]. А языковед Н. М. Дрягин в работе «Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммеч в свете яфетической теории» писал: «...мне пришлось наблюдать в 1925 г. трех гегуако в (балкарском. — Т. Х.) ауле Урусбиево и четырех – в ауле Шалушка (Большая Кабарда)» [4, с. 20].

В 1985 г. во время нашей фольклорной экспедиции народный певец Текаев Гитче (Кабардино-Балкария, с. Хасанья, 1899 г.р.), который знал много нартских и историко-героических песен карачаевцев и балкарцев, на мой вопрос: «Откуда он знает столько песен?» ответил: «С 12 лет я каждое лето вместе с отцом выезжал в горы, на летние пастбища. По вечерам пастухи, собравшись в одной из пастушеских стоянок, пели песни, рассказывали различные истории. Больше всех любили слушать известного тогда в Балкарии народного певца Джамболата Карчаева. Ему тогда было лет 80. Он пел только нартские и историко-героические песни и пел их, постукивая палочкой по своему посоху. У него я научился многим нартским и историко-героическим песням. Но куда мне до него... Я был свидетелем того, как однажды он всю ночь до рассвета пел и при этом, ни разу не повторил уже спетую им песню» [15].

Говоря о шорских кайчи, Л. Н. Арбачакова, так же указывает, что «они помнили репертуар своих учителей или других исполнителей; как правило, уточнялось не только название сказания, которое собирался исполнить сказитель, но и от кого оно было перенято» [16, с. 43-44]. О том, что сказители народов Якутии «бережно передавали тексты про богатырей из уст в уста, из поколения в поколение, из века в век, дополняя, обогащая, украшая его, при этом всегда называя имя сказителя, от которого был услышан исполняемый эпос», сообщает и В. В. Илларионов [14, р. 3].

Известный российский этнолог, профессор Д. А. Функ в одной из своих статей: «Право на ошибку. Представления о запрете на искажение эпических сказаний у шорских сказителей», рассматривая исполнительские традиции, отмечает: «Запрет на искажение сказания, отдельных имен, равно как и не менее распространенный запрет оставлять сказание незавершенным, недорассказанным – является одной из ярких и характерных черт живой эпической традиции» [17, с. 268].

Данный запрет существовал и у карачаево-балкарских сказителей. Однажды я приехала к уже упоминавшемуся сказителю Текаеву Гитче, чтобы перезаписать нартскую «Песню об Ачемезе», т. к. аудиокассета, на которой она была записана, оказалась бракованной, и большая часть песни не прослушивалась, а мне ее надо было использовать в телепередаче по нартскому эпосу. Когда я попросила его исполнить эту песню и включила магнитофон, он, сказав: «Я же в прошлый раз спел ее, лучше запиши мою любимую «Песню о нарте Карашауае», – запел. У Гитче была астма, и он не мог петь долго. Зная, что «Песню о Карашауае» он будет петь не меньше получаса, а «Песню об Ачемезе» он пел более тридцати минут, я, когда он закашлялся, объяснив ситуацию, попросила: «Пожалуйста, спойте сейчас “Песню об Ачемезе”, а “Песню о нарте Карашауае” запишем после нее, если Вы будете себя хорошо чувствовать». Гитче отрез отказался переходить к «Песне об Ачемезе»: «Кто же так делает? Что я сам себе, что ли враг? Если я начал петь песню о Карашауае, нужно ее обязательно допеть до конца и только потом переходить к песне об Ачемезе. А если я это нарушу, то меня или, не дай Аллах, кого-нибудь из моих близких накажет “Къарашауайны къачы – дух Карашауая”». Слишком вмешиваться в текст нартской песни или сказания также было табу для Гитче. Что касается исполнения нартских песен, то, по словам этого сказителя, сольно-хоровая традиция исполнения нартских песен, присущая героическим песням, появилась со временем, когда нартские песни стали забываться, а у профессиональных нарт *джырчыла*, которых он еще застал, традиционным было «соло певца» без инструментального сопровождения или постукивания в ритм песне палочкой. По рассказам Джамболата Карчаева, – вспоминал Гитче Текаев, – в репертуаре профессиональных нарт *джырчыла*, которых он слушал, будучи подростком, были только нартские песни и сказания. Они, как могли, сохраняли живую традицию сказывания эпоса. Их глубоко оскорбляло, когда нартские песни воспринимались слушателями, как средство для их развлечения или, когда их просили спеть бытовые или любовные песни. Помимо этого, они глубоко верили, что, если при жизни не передадут свое мастерство нарт *жырчы* и свой репертуар трем людям, то после смерти их душа не найдет успокоения в нарт *дунияда* ‘мире нарт’¹ [15].

О том, что народные певцы и у других тюркоязычных народов пользовались особым статусом в обществе и играли большую роль в жизни своих соплеменников, отмечают в своих

¹ Пожилые карачаевцы и балкарцы «иной мир», «мир мертвых» называют «нарт дуня».

работах большинство известных ученых: В. В. Радлов, В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Б. Н. Путилов, Т. Мирзаев, Р. З. Кыдырбаева, В. Е. Майногашева, А. Б. Лорд, К. Райхл, В. Н. Басилов, Д. А. Функ, Т. А. Бакчиев и др. Так, профессор А. С. Булдыбай в статье «Типология эпических сказителей тюркского народа» пишет, что народные певцы «создавали произведения, были советчиками, главой войска, сказителями. Если у баксы, в пору их расцвета преобладали качества врачей и ясновидящих, то у жырау – качества, более связанные с искусством слова. Они были в большей мере импровизаторами, советчиками и мудрецами. Следует отметить, что в искусстве слова они выполняли две функции. Благодаря импровизаторским способностям они создавали толгау, выражали в них народную точку зрения, мнение общества. Кроме того, они сочиняли героические песни в честь известных людей своего времени (впоследствии на основе этих произведений были сформированы эпические песни). Жырау были также исполнителями эпических произведений» [18, с. 278]. А. С. Булдыбай привлекает сведения о карачаево-балкарских народных певцах – *джырчы*, которые, как и народные певцы большинства тюркских народов, являясь создателями, хранителями и исполнителями фольклорных произведений, продолжают и развивают эпические традиции своего народа и так же, как «жырши и жырау являются представителями синкретического искусства – они являются сказителями, музыкантами, певцами, артистами, ораторами и поэтами своего времени» [18, с. 278].

Заключение

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сказители играли большую роль не только в жизни, создавшего их народа. Они были хранителями традиционных основ сказительского искусства и духовной, культурной жизни общества и в силу этого имели особый статус в среде своего народа.

Мы попытались охарактеризовать сказителей всех носителей Нартиады. Было выявлено, что в национальных версиях при общности имен основных героев, мотивов, сюжетов, есть и существенные различия в поэтике, исполнительской манере. Показали исполнительские традиции, манеру исполнения, роль живого общения народных певцов с аудиторией. Как и у других народов, северокавказское сказительство базируется на взаимодействии различных жанров фольклора: от исполнителей культовых песнопений, певцов и сказителей нартских песен, сказаний и историко-героических песен.

Опираясь на работу И. Урусбиева и других исследователей Нартиады, мы постарались показать эволюцию личности сказителя. Используя в работе историко-типологическое сопоставление, мы выявили, что в эпической традиции носителей Нартиады основной формой живого бытования нартских песен и сказаний является устность и вариативность. При рассматривании функциональной роли сказителя четко выявляются соотношения живой традиции и роли в ней импровизации.

В Нартиаде сказительская традиция отражает не только историческую действительность, но и ее изменения во времени. Художественное же совершенство эпических произведений, как отмечает абхазский нартовед З. Д. Джапуа «зависит от дарования и памяти сказителей, хотя, естественно связано и с другими факторами – частотой исполнения сказаний, активностью и отзывчивостью слушателей и т. д. В этом смысле особенности информантов, от которых производились записи, во многом определили характер передачи нартского эпоса во времени» [19, с. 44].

Сказительская культура на Северном Кавказе имеет богатые традиции, она поддерживалась из поколения в поколение существованием регулярного обучения сказительству.

Среди носителей Нартиады на современном этапе наблюдается усиленное внимание к фольклору, интерес к материальной и духовной культуре, желание сохранить и приумножить фольклорное наследие своего народа.

Литература

1. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Отв. ред. А. И. Алиева; сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. – М.: Наука, 1994. – 657 с.

2. Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. – 1879. – Т. 4. Кн. 8. – С. 701.
3. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. – 1886. – Т. 1. Кн. 1. – С. 94-99.
4. Дрягин Н. М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммеч в свете яфетической теории // Яфетический сборник. Вып. 6. – Л.: Издательство АН СССР, 1930. – С. 18-34.
5. Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 144 с.
6. Рахаев А. И. О музыке нартского эпоса Балкарии и Карачая // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – С. 605-614.
7. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 1 / Под ред. Е. В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1981. – 231 с.
8. Цхурбаева К. Г. О напевах осетинских нартских сказаний // Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 кн. Кн. 3. – М.: Наука, 1991. – С. 3-16.
9. Шакрыл К. С. О современном бытовании нартского эпоса у абхазов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. – С. 295-302.
10. Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 397-407.
11. Мамиева И. В. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных исследований. – 2012, № 8. – С. 60-79.
12. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 174 с.
13. Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. – М.: Гослитиздат, 1947. – 520 с.
14. Илларионов В. В. Сказительская традиция народов Якутии: Сравнительно-типологический аспект // *Idil Sanat ve die Dergisi*. – 2013. – Vol. 2. No. 9. – С. 1-7.
15. Информант Текаев Гитче, 1899 г. р. // Личный архив Т. М. Хаджиевой. – Полевые записи 1985 г. – 9 л.
16. Арбачакова Л. Н. Внетекстовые реплики сказителя (из опыта расшифровки аудиозаписей «алыптыгныбак») // Сибирский филологический журнал. – 2019, № 3. – С. 43-52.
17. Функ Д. А. Право на ошибку. Представления о запрете на искажение эпических сказаний у шорских сказителей // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 268-283.
18. Булдыбай А. С. Типология эпических сказителей тюркского народа // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Абакан, 19-20 мая 2016 г.). – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2016. – С. 275-283.
19. Джапуа З. Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. – М.: Наука, 2016. – 382 с.

References

1. *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [The Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachais]. Otv. red. A. I. Alieva; sost.: R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev; vstup. st., komment. i glossarii T. M. Khadzhievoy. Moscow, Nauka, 1994, 657 p.
2. Ostriakov P. *Narodnaia literatura kabardintsev i ee obraztsy* [Kabardian folk literature and its samples]. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1879, vol. 4, book 4, pp. 702-710.
3. Ivaniukov I., Kovalevskii M. *U podoshvy El'borusa* [At the foot of Elbrus]. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Elbrus]. 1886, vol. 1, book 1, pp. 94-99.
4. Driagin N. M. *Analiz neskol'kikh karachaevskikh skazanii o bor'be nartov s emmech' v svete iafeticheskoi teorii* [An analysis of several Karachai legends about the struggle of the Narts with emmech in the light of the yaphet theory]. In: *Iafeticheskii sbornik* [Yaphetik collection]. Iss. 6, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1930, pp. 18-34.
5. Kholaev A. Z. *Karachaevskii nartskii epos* [Karachai-Balkar Nart epic]. Nalchik, El'brus, 1974, 144 p.
6. Rakhaev A. I. *O muzyke nartskogo eposa Balkarii i Karachaia* [About the music of the Nart epic of Balkaria and Karachai]. In: *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachais]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 605-614.

7. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. 1* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Vol. 1]. Pod redaktsiei E. V. Gippiusa. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1981, 231 p.
8. Tskhurbaeva K. G. *O napevakh ossetinskikh nartovskikh skazanii* [On the tunes of Ossetian Nart legends]. In: *Narty. Osetinskii geroicheskii epos: v 3 kn. Kn. 3* [Narts. Ossetian heroic epic: in 3 books. Book 3]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 3-16.
9. Shakryl K. S. *O sovremennom bytovanii nartskogo eposa u abkhazov* [On the modern existence of the Nart epic among the Abkhazians]. In: *Skazaniia o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Tales of the Narts – an epic of the peoples of the Caucasus]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 295-302.
10. Zhirmunskii V. M. *Legenda o prizvanii pevtsa* [The legend of the vocation of the singer]. In: *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [Comparative Literature: East and West]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 397-407.
11. Mamieva I. V. *Institut epicheskogo skazitel'stva na Severnom Kavkaze: universalii i etnospetsifika* [Institute of Epic Narration in the North Caucasus: universals and ethnospecific]. In: *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ* [Proceedings of North Ossetian Institute for Humanitarian Research]. 2012, No. 8, pp. 60-79.
12. Malkonduev Kh. Kh. *Etnicheskaia kul'tura balkartsev i karachaevtsev* [Ethnic culture of Balkarians and Karachais]. Nalchik, El'brus, 2001, 174 p.
13. Zhirmunskii V. M., Zarifov Kh. T. *Uzbekskii narodnyi geroicheskoi epos* [Uzbek folk heroic epic]. Moscow, Goslitizdat, 1947, 520 p.
14. Illarionov V. V. *Skazitel'skaia traditsiia narodov Iakutii: Sravnitel'no-tipologicheskii aspekt* [The narrative tradition of the peoples of Yakutia: a comparative typological aspect]. In: *Idil Sanat ve die Dergisi* [Journal of Art and Language]. 2013, vol. 2, No. 9, pp. 1-7.
15. *Informant Tekaev Gitche, 1899 g. r.* [Informant Tekaev Gitche. 1899 birth year]. In: *Lichnyi arhiv T. M. Hadzhievoj. Polevye zapisi 1985 g.* [T. M. Khadzhieva's personal archive. Field notes of 1985]. 9 s.
16. Arbachakova L. N. *Vne tekstovye repliki skazitelia (iz opyta rasshifrovki audiozapisei "alyptyg nybak")* [Outside the text replicas of the narrator (from the experience of decoding audio records "alyptig nybak")]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian philological journal]. 2019, No. 3, pp. 43-52.
17. Funk D. A. *Pravo na oshibku. Predstavleniia o zaprete na iskazhenie epicheskikh skazanii u shorskikh skazitelei* [The right to make a mistake. Shore narrators banning distortion of epic tales]. In: *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Nauka, 2005, pp. 268-283.
18. Buldybai A. S. *Tipologiia epicheskikh skazitelei tiurkского naroda* [Typology of the epic narrators of the Turkic people]. In: *Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Abakan, 19-20 maya 2016 g.)* [Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: materials of the IV International scientific and practical conference (Abakan, May 19-20, 2016)]. Abakan, Izd-vo FGBOU VPO "Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova", 2016, pp. 275-283.
19. Dzhapua Z. D. *Abkhazskii nartskii epos: Tekstologiya. Semantika. Poetika* [Abkhazian Nart Epic: Textology. Semantics. Poetics]. Moscow, Nauka, 2016, 382 p.